

Иван Вырыпаев: «Если написать про меня — это будет скучнейшая пьеса про закомплексованного человека» Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

“Я хвастаюсь — и так возникают пьесы”

Иван Вырыпаев — Газете

Драматург и актер Иван Вырыпаев — едва ли не главное открытие ушедшего театрального сезона. Его спектакль «Кислород», который он и актриса Арина Маракулина играют на крошечной сцене «Театр.doc» в Трехпрудном переулке, получил главный приз на международном театральном фестивале в Торунь. А пьеса Вырыпаева «Валентинов день» — премию на фестивале современной драматургии в Гейдельберге. Сейчас «Кислород» участвует в фестивале «Новая драма». С Иваном Вырыпаевым встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Расскажи о себе — где родился, где учился...

Родился я в Иркутске, вырос там же, учился в иркутской театральной школе. У меня диплом актера драматического театра. После этого я работал в театрах Магадана и Камчатки. Но мне не нравится, что мы так начинаем. Я знаю статей двадцать, которые начинаются так: «Иван Вырыпаев родился в Иркутске, работал на Камчатке и в Магадане...»

Но начинать-то надо с начала.

У меня не было желания приехать и покорить Москву. Просто здесь мне интереснее жить. Здесь близко до всего. А в Иркутске мне делать нечего. Я побывал во многих городах мира, но люблю больше всего Москву. Мне нравится район, где я живу, нравится его название — Красная Пресня.

Почему в Иркутске с твоим театром были проблемы?

Тот театр, который мы делали, не нашел поддержки у управляющих культурой. Но в моей ситуации глупо на это жаловаться, потому что только благодаря этому мне пришлось приехать в Москву. Поэтому я в какой-то степени благодарен тем, кто не оказал мне поддержку. Конечно, мне не нравится, что в Иркутске нет никакого альтернативного театрального движения — один театр и все.

Правда, что одно из представлений «Кислорода» ты посвятил нападению американцев на Ирак?

Это было в клубе «Б-2». Там присутствовали музыканты, начиная с Макаревича и заканчивая Шнуром, и нас позвали, чтобы мы прочитали отрывок из спектакля «Кислород». Назывался он «Арабский мир». А в этот день началась бомбежка Ирака. И я, как человек, который был против этого, сказал, что сегодня началась бомбежка Ирака, поэтому отрывок про арабский мир становится еще актуальнее. Слово «посвятил» тут совсем не к месту. А в конце я сказал что-то в поддержку Лимонова.

Тоже в связи с отрывком про арабский мир?

Это зпатаж! Ведь главное — где происходит спектакль. Когда ты играешь в спектакле — это одно, а когда участвуешь в рок-концерте, где до тебя поет один рок-музыкант, а после тебя выступает, скажем, Шнур, то ты уже не артист. Ты участник рок-концерта. Ты говоришь с людьми, которые очень заведены. И ты кричишь: «Свободу Лимонову!» А до этого — про Ирак.

То есть это мог быть любой энергичный клич? Ведь ты выступаешь с вполне определенным художественным текстом и начинаешь его Ираком, а завершаешь Лимоновым. От этого смысл твоего высказывания запросто может исказиться. На тот момент это было органично. То, что мы делаем, это акт, происходящий здесь и сейчас, и здесь и сейчас я говорю тебе, что мне приходит в голову. Возможно, потом мне будет за это стыдно, но тогда это высказывание было необходимо. Ты играешь для конкретного зрала, для его настроения. Как, скажем, передать то, что носилось в воздухе, что все были озабочены Ираком? Ни газета, ни телевидение это передать не способны.

На первый взгляд может показаться, что сейчас нет конфликта театральных поколений. Кирилл Серебренников сначала заявлял о своей оппозиции по отношению к официальному театру, говорил, что режиссер должен быть привит от классики, а через год пошел во МХАТ, в «Современник», где с удовольствием и хорошо классику поставил. Молодой драматург Василий Сигарев пишет пьесу «Черное молоко», и ее ставят Сергей Яшин и Марк Розовский, до этого не замеченные в связях с современной драмой. Словом, я хочу спросить, ты чувствуешь себя в оппозиции по отношению к старшему поколению, к театральной традиции?

Я не нахожусь в оппозиции к чему-то. Нам дают возможность заниматься тем, чем мы хотим. Почему мы долблены от этого отказываться? Кирилл Серебренников, насколько

я понимаю, никогда не ставил цель противопоставить себя определенной традиции.

Он эпатирует публику какими-то высказываниями вроде «у тех, кто ставит классические пьесы, надо отбирать лицензии». Но это просто борьба с фальшью. А Вася Сигарев, помоему, всегда писал так, как пишет сейчас, и востребованность его не изменила. Он драматург, и его пьесы может брать кто угодно. Как правило, конфликт устраивают не те, кто делает что-то новое, а другая сторона. Они в этом усматривают нападение на себя. Нередко бывает, что люди, создавая что-то, отрицают то, что было до них. Манifestируют. Но у меня нет манифеста.

На твоём сайте манифест есть.

Но это не манифест протеста. И первый постулат его — что я совершенно не выступаю ни против чего. Я просто делаю то, что считаю возможным.

То есть ты знал, что тебя «уличат» в наличии протеста, и решил манифестировать его отсутствие?

Может быть... Но я говорю о таких вещах, о которых говорили всегда. Просто мне нравится, грубо говоря, современность: музыка, ритмы, проблемы... Ну а если говорить о предпочтениях, вкусах... Я не понимаю, скажем, классический балет, не понимаю оперу. Можете считать меня бездуховным человеком, но я этого не понимаю. Я не могу понять, как могут эти толстые дяди выходить — с мечами, в немислимых шлемах — и начинать петь... Не понимаю!!! Мне кажется, очень легко поставить, например, «Гамлета». Нужно просто ответить на двенадцать вопросов. Я насчитал. Например, насилывал ли Гамлет Офелию, спал ли со своей матерью? И еще десять. Отвечаешь на них — и у тебя есть режиссерское решение пьесы. Очень редко бывает, когда режиссер способен посмотреть на пьесу свежим взглядом. Поставить подлинно современные проблемы. И дело тут даже не в их формулировке, а в том, как режиссер их ощущает.

И все-таки — какие проблемы современные?

Война.

Нравятся ли тебе пьесы англичанина Марка Равенхилла?

Я дважды встречался с Равенхиллом — он мистификатор: якобы и гомосексуалист, и болен СПИДом, и буян... А увидел я нормального человека, немножко стеснительного... Но драматург он, по-моему, замечательный.

А то, что он в своих пьесах исследует человеческую патологию, — это тебе интересно?

Интересно, но я этого не люблю. Он отличный драматург, но мне чуждый. Когда он пишет сцену, где в море главный герой совокупляется с трупом, я понимаю, что он имеет в виду, на что намекает. Но мне ближе другие метафоры. Скажем, человек вышел из дома, вернулся обратно и не знает зачем. Со мной иногда такое случается.

Как бы ты охарактеризовал героя, про которого пишешь? Кто он?

Во-первых, это не я. Я играю молодого современного героя, который сегодня, в двадцать первом веке, ходит по улицам города Москвы. Если написать про меня — это будет скучнейшая пьеса про закомплексованного человека. Вряд ли я — герой этого времени. Я просто описываю, но ничего не сочиняю. Просто хожу и собираю какие-то вещи себе в коллекцию. Вплоть до фраз. Слышу, скажем, разговор двух гомосексуалистов, запоминаю его, а в моей пьесе эти слова произносят брутальные мужчины, абсолютные натуралы.

А вообще, честно говоря, если бы можно было не писать пьесы, я бы и не писал. Лучшее ситуацию не моделировать, а проживать ее в чистом виде. Иногда жизнь бывает очень интересной и красивой, и тогда ты думаешь, на хрена нужно это искусство! Но потом ты хочешь этим поделиться — и тогда приходишь действиями средствами искусства. Я болтун и хвастун — и вот начинаю чем-то делиться и хвастаться. Так и возникают пьесы. Ну, я чуть-чуть лукавлю, конечно...